

ИНОЕ И НИЧТО В ПЛАТОНОВСКОЙ АПОФАТИКЕ: К ДИСКУССИЯМ О ДИАЛОГЕ «ПАРМЕНИД»

А. В. БОГОМОЛОВ

Нижегородский государственный педагогический университет имени
Козьмы Минина (Мининский университет)
ensestens@mail.ru

Р. В. СВЕТЛОВ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
spatha@mail.ru

ALEKSEY BOGOMOLOV

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University)

ROMAN SVETLOV

Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia)

OTHER AND NOTHING IN PLATONIC APOPHATICS:

TOWARDS DISCUSSIONS ABOUT THE DIALOGUE «PARMENIDES»

ABSTRACT. The article is devoted to the problem of the correlation of apophatic issues in the dialogues "Sophist" and "Parmenides". The article substantiates the position that the doctrine of non-being, presented in the Sophist, is one of the foundations of the first two hypotheses of Parmenides. An important point in the Sophist is the distinction between the other (ἕτερον) and the nature of the other (ἑτεροῦ φύσιν), which serves as a prerequisite for the dialectic of the one and many in the second hypothesis. It is suggested that the other six hypotheses are determined by the understanding of the other in the Sophist.

KEYWORDS: non-being, other, nature of other, apophaticism, «Parmenides», hypotheses.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00980, БФУ им. И. Канта. The reported study was funded by RSF according to the research project № 24-18-00980.

В философском наследии Платона диалог «Парменид», вне всяких сомнений, имеет особый статус. Существенные расхождения трактовок, интерпретаций исследователей вызывает не только само содержание диалога, но и его место

в системе текстов афинского философа. Одним из наиболее очевидных аргументов в пользу исключения «Парменида» из платоновского «метатекста» заключается в том, что как раз и содержание, и форма в значительной степени отличаются от других диалогов и не имеют, по сути, собственно значения для интерпретации платоновского учения в целом (Коржачкина 2021). В специальной литературе, впрочем, представлены различные точки зрения на этот счет.

В рамках настоящей статьи мы также обращаемся к «Пармениду», в частности, в контексте историко-философской проблемы соответствия проблематики диалога некоторым аспектам философии, представленным в иных произведениях Платона. В своем поиске исходим из следующих оснований.

Во-первых, мы обращаемся к апофатике. Реконструкция апофазиса в платоновском учении само по себе сопряжено с рядом трудностей, одна из которых заключается в проблематизации возможности единой трактовки апофатического дискурса в философии основателя Академии. В самом деле, в диалогах наличествуют различные контексты интересующей нас проблемы. В частности, вопрос о материи в «Тимее» (Слинин 2020), или о роли и значении ничто в «Пире» имеют свои апофатические коннотации. В специальной литературе даже наличествует мнение, согласно которому именно в «Пире» можно увидеть «предысторию формирования апофатического метода» (Вишняков 2016, 166).

В некоторых исследованиях делается акцент на отсутствии системности в платоновской апофатике. К примеру, Д. Карабин задается вопросом о том, следует ли Платона считать «отцом апофатической теологии». И отмечает: «последнее условие, необходимое для полностью развитой негативной теологии, – непознаваемость высшей причины – явно в философии Платона не выражено» (Carabine 2015, 32–35). Последнее суждение вообще выводит на отдельный контекст исследования платоновской апофатики – давно обозначены и возможность, и необходимость разделения негативной теологии и философской апофатики в истории греческой мысли (Hadot 1987). С учетом этого историко-философский анализ апофатического дискурса у Платона приобрел бы совсем иной масштаб. Но, по крайней мере, полагаем правомерной постановку вопроса о том, можно ли говорить о некоей единой трактовке апофатического у Платона. Вне всяких сомнений, это масштабная задача, решение которой явно выходит за рамки одной статьи, и на данный момент мы лишь обращаемся лишь к отдельным диалогам.

Во-вторых, обращение к апофатике связано с анализом, в нашем случае – историко-философским, небытия или ничто. В философии Платона ничто,

конечно, упоминается, причем в разных контекстах – отсюда и наша констатация проблемы многозначности апофатического в его учении. На наш взгляд, при рассмотрении апофатического не менее важную роль играет и категория иного, что очевидно уже в «Софисте». Апофазис в философии Платона прослеживается более детально при интерпретации именно сочетания ничто-иное.

В-третьих, обозначим основной объект нашего рассмотрения. В первую очередь – диалог «Парменид»: в его «гипотезах» наличествуют рассуждения, которые можно расценить как апофатические. Отметим те из них, где при рассмотрении несуществования (ничто) появляется концепт иного. Другой диалог – «Софист». О взаимосвязи «Парменида» и «Софиста» сказано в достаточной степени, однако, релевантность апофатического контекста в обоих произведениях не столь часто становится предметом исследования.

Настоящая статья посвящена историко-философскому рассмотрению апофатической проблематики, представленной в диалогах «Софист» и «Парменид». Отметим, что тема это имеет существенную исследовательскую традицию, которую мы анализировали отдельно (Богомолов, Светлов 2021, 41–73). При этом отметим, апофазис в «Софисте» нас интересует, главным образом, в контексте последующего обращения к гипотезам «Парменида». Мы полагаем, понимание ничто, интерпретируемого как иное, представленное в «Софисте» получает свое дальнейшее развитие в этом диалоге. И, наконец, ввиду некоторой ограниченности объема формата статьи, мы акцентируем внимание только на первых двух гипотезах диалога.

Прежде всего обратимся к вопросу об онто-эпистемологическом статусе ничто в «Софисте». Напомним, что в интересующей нас части диалога опровергается учение элеатов о «запрете» существования небытия. Однако небытие понимается не как противоположность бытию, но как иное (*ἕτερον*). Для философии Платона идея иного является одной из важнейших. Причастность идее иного является необходимым условием отличия любой идеи от других идей. Подчеркивая же апофатический контекст иного, можно отметить: для любой идеи быть тождественной себе означает: не быть другой (иной) идеей. И *ἕτερον* является пятым «высшим родом» наряду с бытием, тождеством, покоем и движением.

Рассмотрим теперь, как это положение из «Софиста» находит свое выражение в гипотезах. При этом отметим, в рамках настоящей статьи нет необходимости излагать суть этой части «Парменида», как и основные способы истолковать значение диалектики его «гипотез» (Светлов 2022, 122). Акцентируем внимание именно на апофатическом прочтении иного. В исследовательской литературе небезосновательно полагается, что едва ли не образцом

апофатической теологии является т.н. первая гипотеза «Парменида» (Доддс 1928). В свою очередь, рассуждения в «Пармениде» на страницах 137c–142b, как нами было показано ранее, основаны на поэме Парменида, в частности на понимании элеатом небытия (Светлов, Богомолов, Шмонин 2022; Протопопова 2022, 785). Однако, категория иного в историко-философской реконструкции первой гипотезы не столь часто становится предметом исследования. В целом сама суть этой части «Парменида» строится на рассуждениях о том, чем единое не является, т.е. сама «апофатичность» первой гипотезы строится на том, что единое есть иное по отношению к чему бы то ни было, а потому оно не есть. Впрочем, и здесь наличествуют нюансы, дополняющие трактовки иного, представленные в «Софисте».

В частности, рассуждения о едином в значительной степени строятся как раз в оптике «высших родов», представленных в «Софисте». А.Ф. Асмус отмечал: «В то время как в «Софисте» излагается «диалектика» пяти высших родов сущего, в «Пармениде» разворачивается «диалектика» единого и многого» (Асмус 2005, 155). С данным утверждением можно согласиться, с тем уточнением, что все «высшие роды» «Софиста» в «Пармениде» также представлены, но являются уже, скорее, неким эпистемологическим инструментом, служащим для построения диалектики единого и много, а также чем-то вроде категорий, описывающих разные способы бытия сущего. Это, в свою очередь, также, пусть и косвенно, но указывает на преемственность двух диалогов. Интересующая нас первая гипотеза конструируется при помощи именно этих категорий – тождественное, иное, бытие. Диалектика высших родов сущего буквально пронизывает содержание первой гипотезы, включая и ключевые ее положения.

Но вернемся к пониманию иного. В «Пармениде» Платон пишет: «ἕτερον δὲ γὰρ ἑτέρου οὐκ ἔσται, ἕως ἄν ᾗ ἔν: οὐ γὰρ ἐνὶ προσήκει ἕτέρω τινὸς εἶναι, ἀλλὰ μόνῳ ἑτέρῳ ἑτέρου, ἄλλῳ δὲ οὐδενί»¹ (Pl. Parm. 139c²). В приведенном фрагменте проясняется, что ключевая особенность иного – быть отличным от чего бы то ни было, и ни что другое такой характеристикой не наделяется. В этом случае возникает вопрос о бытии самого иного. Есть мнение, что иное – лишь «псевдоним» бытия (Лошаков 2007, 15). Иное и бытие взаимосвязаны, но ἕτερον об-

¹ Пер. Н.Н. Томасова: «...оно не будет также отличным от иного, пока оно остается единым, ибо не подобает единому быть отличным от чего бы то ни было: это свойственно только иному, и ничему больше»

² Цитаты на древнегреческом языке приводятся по: Plato. *Platonis Opera*, ed. John Burnet. Oxford University Press. 1903

ладает самостоятельным существованием, поскольку любая идея есть, существует ввиду ее причастности или смешения с идеей бытия, что является одним из центральных моментов той самой диалектики пяти высших родов в «Софисте», и, следовательно, иное также причастно бытию, как и другие идеи. В этой связи утверждение о «псевдониме» бытия представляется спорным, хотя и понятным – иное повсюду, где бытие, но оно не тождественно бытию, но лишь как-то причастно ему. Здесь возникает и другая проблема: любая идея должна не только быть, но быть именно собой, для чего она должна быть причастна идее тождества. Иными словами, если иное есть оно само, то оно с необходимостью должно быть причастно идее тождества. Но, пожалуй, мы не находим у Платона прямого указания на смешение тождественного и иного. Вполне вероятно, это связано с тем, что иное не есть отрицание бытия как такового, а есть иное бытия, что идет вразрез с учением Парменида. В этом и заключается одно из противоречий, связанных с трактовкой небытия у Платона. С одной стороны, небытие – иное бытия, но при этом само иное является «пятым родом», т.е. существующим самостоятельно.

Возвращаясь теперь к первой гипотезе, следует отметить, что именно в ней иному дается некоторая дефиниция: оно то, что отлично от чего бы то ни было (139c-d). И, что не менее важно, именно иное является тем методологическим основанием, при помощи которого выстраивается негативный итог: единое, ни с чем не соотносящееся, не только не обладает какими-либо характеристиками, но и не существует вовсе. Иными словами, единое всегда есть иное по отношению ко всему остальному, ввиду чего оно не есть что-то, а, значит, не есть. Однако это порождает еще большее противоречие. По сути, апофатичность первой гипотезы сводится к тому, что единое тождественно иному, поскольку, как было обозначено выше, быть иным по отношению к другим – ключевая характеристика как раз иного. Примечательно также и то, что в «Софисте» проблематизируется соотношение бытия и иного, в «Пармениде» же – бытия и единого.

Иное занимает значимое место и в рамках второй гипотезы (142b – 157b), которая предполагает бытие единого. Если бы единое не существовало, не существовало бы универсума, но поскольку универсум есть, то существует и единое. Гипотеза показывает, в частности, что «единое» и «бытие единым» не есть одно. Выводится следующее положение: «τό τε γὰρ ἐν τὸ ὄν ἀεὶ ἴσχει καὶ τὸ ὄν τὸ ἐν: ὥστε ἀνάγκη δὲ ἀεὶ γιγνόμενον μηδέποτε ἐν εἶναι» (Pl. Parm.142e-143a). Анализ данного суждения обычно и сводится к постулированию различия между «единым» и «бытием единого» и выводимого в результате этого различия указания на «двойственность» существующего единого. Однако, нам

представляется, что здесь наличествует взаимосвязь с трактовками ἕτερον в «Софисте». Поясним это предположение.

Исходным пунктом здесь становится как раз указание на «двойственность» именования. Схожая проблема наличествует и в «Софисте», но с тем отличием, что там данное вопрошание относится иному. Так, мы там находим: «τὸ θάτερον ἄρα ἡμῖν λεχτέον πέμπτον; ἢ τοῦτο καὶ τὸ ὄν ὡς δὴ ἄττα ὀνόματα ἐφ' ἐνὶ γένει διανοεῖσθαι δεῖ;»³ (Pl. Soph. 255c). Речь о том, надлежит ли считать иное именно пятым родом или же следует признать, что «бытие» и «иное» суть два имени одного рода. Выше мы обозначили, что иное – самостоятельно существующий род, чуть ниже в «Софисте» собеседники приходят к тому же выводу, и вновь к этому вопросу возвращаться не будем. Аналогия различения «бытия» и «единого» и «бытия» и «иноного» вполне угадываема, мы же полагаем, что в «Софисте» показано и различие «внутри» иноного, своего рода тоже «двойственность» ἕτερον.

Обратим внимание на следующее суждение: «πέμπτον δὴ τὴν θατέρου φύσιν λεχτέον ἐν τοῖς εἶδεσιν οὖσαν, ἐν οἷς προαιρούμεθα»⁴ (Pl. Soph. 255d-e). Из приведенной цитаты следует возможность различия иноного и природы иноного. Акцентируем также внимание на том, что именно «θατέρου φύσιν», согласно словам Чужеземца, «проходит» через все остальные виды. Следовательно, здесь речь не только о различии именования – но и о том, что именно «θατέρου φύσιν», а не ἕτερον само по себе выполняет функцию демаркации каждой идеи и любой другой идеи. Выдвигаем гипотезу, что различение природы иноного и иноного позволяет «снять» противоречие в вопросе онтологического статуса небытия (понимаемого как иное). В самом деле, в этом случае получается, что идея иноного (небытия) существует сама по себе, как любая идея, а к природе иноного и относятся другие идеи, и именно природа иноного «проходит» как бы растворяется в множестве идей. Но здесь неизбежно возникает другой вопрос – чем же является природа иноного, и как она соотносится с иным? Обратим внимание также и на то обстоятельство, что в «Софисте», когда употребляется понятие иноного, речь идет о взаимоотношении иноного и других четырёх высших родов, когда же употребляется «θατέρου φύσιν», то говорится об идеях вообще. Далее: «ἢ θατέρου μοι φύσις φαίνεται κατακεκερατῖσθαι καθάπερ ἐπιστήμη» (Ibid. 257c), согласно этому суждению, природа иноного раздроблена на части, в чем

³ Пер. С.А. Ананьина: «Не следует ли нам считать иное пятым [видом]? Или должно его и бытие мыслить как два названия для одного рода?»

⁴ Пер. С.А. Ананьина: «пятой среди тех видов, которые мы выбрали, надо считать природу иноного»

она уподобляется знанию. Эта цитата вносит определенную ясность, во всяком случае, когда говорим о соотношении иного и природы иного. Здесь можно выделить два аспекта. Во-первых, «природа иного» обуславливает существование частей иного. Говоря о частях иного, следует также обратить внимание на следующее суждение: «περὶ ἕκαστον ἄρα τῶν εἰδῶν πολὺ μὲν ἐστὶ τὸ ὄν, ἄπειρον δὲ πλῆθει τὸ μὴ ὄν» (Ibid. 256d-e), согласно которому каждая идея содержит много бытия и бесконечное количество небытия. Любая идея есть, существует – это к прояснению причастности бытию; бесконечное количество небытия в ней – указание на то, что идея не есть любая другая идея: одна идея не есть множество других идей. Во-вторых, ниже говорится: «части природы иного, которая едина»⁵ (Ibid. 257d). Отсюда можно предположить, что природа иного (небытия) понимается не просто как совокупность подобных друг другу частей иного, а как нечто единое, которое в каждой из частей является тем же самым до неразличия. Иное – это «просто» факт отличия, неважно чего и неважно от чего, содержательность отличия уже относится не к иному, а к бытию. Поскольку же идея есть большее, чем совокупность ее частей, то есть и сама идея иного. В конечном счете, идея иного и природа иного, распространенная по тому, что иному причастно, соотносятся как род и видообразующий признак. Такой вот специфический в случае одного из «высших родов».

Именно различие природы иного и иного позволяет говорить о том, что существует иное как таковое, и это идея небытия, понимаемая как один из высших родов. Введение Платоном природы небытия как раз и решает онтологическое противоречие в понимании последнего, согласно которому она существует в любых других идеях, что позволяет любым идеям быть отличными от любых других идей. Бытие и небытие/иное сосуществуют друг с другом (Rosen 1983, 289–290), при этом иное оказывается чем-то содержательным, вопреки своему отличию от всего и от себя самого (Benardete 2006, 153–154). Более того, оно имеет в некотором смысле созидательную природу (Протопопова 2019, 56–86).

Но вернемся ко второй гипотезе. Теперь, как представляется, наличие схожих моментов в трактовке иного в «Софисте» и во второй гипотезе становится более очевидным. Здесь можно выделить несколько моментов. Во-первых, «двойственность» именованного иного – природа иного (θατέρου φύσιν) и, собственно, ἕτερον в известном отношении схожа с вопросом о различии единого и бытия единого. В «Софисте» именно на примере небытия показывается «возможность» различия в отношении одной конкретной идеи, для чего

⁵ Пер. С.А. Ананьина.

Платоном вводится понятие «природа иного». Во-вторых, если согласиться с тем, что одна из ключевых тем «Парменида» – диалектика единого и много, о чем говорится, в частности, и во второй гипотезе, то данная диалектика представлена и в «Софисте». И опять-таки она представлена посредством обращения к идее небытия. Мы уже упоминали это место: «περὶ ἕκαστον ἄρα τῶν εἰδῶν πολὺ μὲν ἐστὶ τὸ ὄν, ἄπειρον δὲ πλήθει τὸ μὴ ὄν». В «Пармениде» можно вспомнить строки о бытии и его частях: «κατακεκερμάτισται ἄρα ὡς οἶόν τε σμικρότατα καὶ μέγιστα καὶ πανταχῶς ὄντα, καὶ μεμέρισται πάντων μάλιστα, καὶ ἔστι μέρη ἀπέραντα τῆς οὐσίας»⁶ (Pl. Parm. 144b-144c). А также 144e, в котором непосредственно говорится о едином и бесконечных частях: «само единое, раздробленное бытием, представляет собою огромное и беспредельное множество»⁷.

В целом, на наш взгляд, проблематика «ничто-иное», поставленная в «Софисте» находит свое продолжение в «Пармениде». В частности, иное используется как важный эпистемологический инструмент в структуре первой, апофатической, гипотезы. Кроме того, трактовка иного и введение в оборот «βατέρου φύσιν» также можно представить как некое условие или предпосылку для диалектики единого и многого в «Пармениде». Поэтому мы склонны полагать, что гипотезы, во всяком случае первые две из них, являются развитием представленного в «Софисте» учения о небытии. В завершении следует заметить, что и в других гипотезах наличествуют определенные «совпадения» с пониманием небытия в «Софисте», однако анализ следующих шести гипотез предполагает проведение отдельного исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Асмус, В.Ф. (2005) *Античная философия*. Москва, «Высшая школа»
- Богомолов, А.В., Светлов, Р.В. (2021) «Беседа с ничто: апофатический дискурс в античной философии», *Платоновские исследования* 15(2), 41-73.
- Богомолов, А.В., Светлов, Р.В., Шмонин, Д.В., (2022) «Онтология и эпистемология Ничто в философии Платона: истоки и природа платоновской апофатики», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 16. 2, 763–772.
- Вишняков, В.П., (2016) «Апофатический метод в «Пире»: между аферезой и апофазой», *Платоновские исследования* 5(2), 164–186.
- Корчажкина, О. М., (2021) «Диалог Платона «Парменид» как образец «упражнения в пустословии», *Вестник МГПУ, серия «Философские науки»* 2(38), 40–48.

⁶ Пер. Н.Н. Томасова: «Следовательно, оно раздроблено на самые мелкие, крупные и любые другие возможные части, в высшей степени расчленено, и частей бытия беспредельное множество».

⁷ Пер. Н.Н. Томасова.

- Лошаков, Р.А. (2007) *Различие и тождество в греческой и средневековой онтологии*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, Издательство РХГА.
- Протопопова, И.А. (2019) «Интерпретация диалога», в: Платон. *Софист*. Пер., интерп., прил. и прим. И. Протопоповой. Санкт-Петербург: Платоновское философское общество.
- Протопопова, И.А. (2022) «“Иное” в третьей гипотезе “Парменида”» *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 16.2, 783–790.
- Светлов, Р.В. (2022), «Предметность апофатики Платона», *Философия истории философии*, т. 3., 120–128.
- Слинин, Я. А. (2020) «Категория небытия в философии Платона», *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология* 36. 1, 69–81.
- Benardete, S. (2006) *The being of the beautiful. Plato's Theaetetus, Sophist, and Statesman*. Translated and with Commentary by Seth Benardete. University Chicago Press.
- Carabine, D. (2015) *The Unknown God: Negative Theology in the Platonic Tradition: Plato to Eriugena*. Wipf and Stock Publishers.
- Dodds, E. R. (1928) «The Parmenides of Plato and the Origin of the Neoplatonic 'One'», *The Classical Quarterly* 22. 3, 129–142.
- Hadot, P. (1987) «Апофатизм и теология негатива», *Exercices spirituels et philosophie antique*. Paris. Études augustinienes», 185–193.
- Rosen, St. (1983) *Plato's Sophist. Drama of original and image*. Yale University Press.

References in Russian:

- Asmus, V.F. (2005) *Ancient Philosophy*. Moscow, «Higher School»
- Bogomolov, A.V., Svetlov, R.V. (2021) «Conversation with Nothing: Apophatic Discourse in Ancient Philosophy», *Platonic Investigations*, 2021, 15(2), pp. 41–73
- Bogomolov, A.V., Svetlov, R.V., Shmonin, D.V. (2022) «Ontology and Epistemology of Non-being in Plato's Philosophy: On Origins and Nature of Platonic Apophaticism», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* Vol. 16.2, pp. 763-772.
- Vishnyakov, V.P. (2016) «Apophatic Method in the Plato's *Symposium*: Between aphaeresis and apophasis», *Platonic Investigations* 5(2) pp. 164-186.
- Korchazhkina, O.M. (2021) «Plato's Dialogue «Parmenides» as a Sample of «Exercising in an Empty Rhetoric». In *MCU Journal of Philosophical Science*. 2(38), pp. 40-48.
- Loshakov, R.A., (2007) «Difference and identity in Greek and Medieval ontology». St. Petersburg.
- Protopopova, I.A. (2019) «Interpretation of dialogue», in: Plato. *Sophist*, trans., interp., adj. and approx. Protopopova, I.A.» St. Petersburg: Platonic Philosophical Society.
- Protopopova, I.A. (2022) «“Other” in the third hypothesis of «Parmenides» (PRM. 158D3–6)», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* Vol.16.2. pp. 783-790.
- Svetlov R. V. (2022) «Objects of Plato's apophaticism». In *Philosophy of the History of Philosophy*. vol. 3, pp. 120–128.
- Slinin Ya.A., (2020) «Category of nothing in the philosophy of Plato». *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 36(1), pp. 69–81.